
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ МАКРОЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС (к постановке проблемы)*

4. Движущие силы социального развития. Макроэволюция и исторический процесс

4.1. Проблема факторов развития исторического процесса

На протяжении многих десятилетий философы и ученые пытались выявить силы или их комбинации, которые определяют ход истории в любой ее момент. Жизнь показала, что это непосильная задача. Поэтому основные философские течения просто стали отказываться от понятий «движущие силы истории», «законы истории», «прогресс». И в результате сегодня большинство историков, включая даже весьма крупных, вопрос о том, могут ли быть открыты законы истории, не волнует ни в какой степени (О'Брайен 2002)¹. Однако игнорирование указанных проблем не снимает вопросов ни о степени значимости различных факторов в историческом развитии,

---

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. – 2007. – № 2. – С. 19–66. Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 06–06–80459а), ИНТАС (проект № 05–10000008–7922) и Фонда содействия отечественной науке.

¹ Поэтому сегодня, в отличие от того, что было еще несколько десятилетий ранее, книга с названием «Движущие силы истории» (как у монографии Халвдана Кохта [Koht 1964]) незаслуженно выглядит анахронизмом. Проблема социального прогресса повезло чуть больше, ее время от времени поднимают (ср., например: Graham 1997), но и она под большим подозрением. Однако, поскольку идея прогресса очень многогранна (Mazlish and Marx 1999: 6–7), к ее анализу так или иначе постоянно возвращаются, хотя иногда и прикрываясь внешне скептическими заголовками книг, как, например, «Прогресс: факт или иллюзия?» (Marx and Mazlish 1999). В то же время нельзя не согласиться со вполне правомерным мнением авторов этого тома (Marx and Mazlish 1999) о том, что концепции прогресса требуют переосмысления (см. об этом также: Гринин 1997а; 1997б; 1997в; 2007д; Коротаев 1997; 2003).

ни о его направлении, ни о многих других, не только не надуманных, но, напротив, и теоретически, и методологически очень важных проблемах.

Вопрос о движущих силах истории до XVIII – начала XIX в. чаще всего решался с позиции провиденциализма и эсхатологии, (см. об этом, например: Ясперс 1994: 32), и даже много позже эти идеи о неких стоящих за Историей силах были достаточно распространены (например: Гегель 1935; Толстой 1987: 5). Но с развитием науки многих исследователей, как в свое время Лапласа, такие объяснения все менее устраивали, и они переставали нуждаться в «этой гипотезе». В результате поиск движущих сил общества вылился в поиск «архимедова рычага» истории, то есть главной причины, которая бы объяснила все развитие. Особенно, по словам П. А. Сорокина (1992: 522), этот вопрос встал остро со времен обоснования социологии О. Контом. На первое место ставились самые разные движущие силы; при этом чаще других выдвигались следующие: личности, идеи, некоторые материальные или социальные факторы (рост населения, географическая среда, производство, собственность и т. д.). Достаточно хорошо их классифицировал еще П. А. Сорокин, который писал: «Одни выдвигают в качестве такого решающего фактора географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности – горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужоль, Маттеуци и др.); другие – чисто этнические условия, главным образом борьбу рас (Гумплович, Гобино, Аммон и др.); третьи – чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные – экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, – интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах – в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в форме мировоззрения и религиозных верований (О. Конт, Б. Кидд), в форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и всякому организму, стремление к наслаждению и избегание страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные – разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д.» (Сорокин 1992: 522). Далее он делает вывод, вполне справед-

ливый и для сегодняшних подходов: «Как видно из сказанного, число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории» (Сорокин 1992: 522).

Разумеется, теории постоянно усложнялись: вводились комбинации факторов, сами причины развития стали представлять сложным процессом. Еще Огюст Конт отмечал среди общих причин и такие, которые существенно модифицируют скорость социального развития (Comte 1853; цит. по: Зомбарт, В. Социология. – Ленинград: Мысль, 1924. – С. 15–30). Но в целом надежда найти главные причины и законы истории продолжала жить. По мере того, как это становилось все более сомнительным, усиливались позиции плюралистов, полагававших, что развитие надо объяснять совокупным сочетанием многих факторов, «из которых каждый так или иначе связан с массой остальных» (М. М. Ковалевский; цит. по: Сорокин 1992: 522)². Также стали популярными требования отказаться от историософских теорий и описывать историю, по совету Л. Ранке, так, «как это, собственно, происходило» (Ranke 1867–1890, Vd. 33: VII; цит. по: Штрайзанд 1977: 80). Но, на наш взгляд, попытка отделить историю от законов в конечном счете не оправдала себя. Поэтому стремление представить ее не просто нагромождением изолированных фактов и причин, а закономерным процессом, по-прежнему имеет логико-методологическую привлекательность и даже своего рода магнетизм.

В XX в. история продолжала быть вовлечена «в движение, подобное движению маятника: в течение какого-то периода она пыталась точнейшим образом узнать свое прошлое, затем, наоборот, она стремилась понять законы своего развития, чтобы потом вновь вернуться к своей первой задаче» (Дьюбок 1970: 3). Очень влия-

---

² К числу сторонников этого течения принадлежало немало социологов, работавших в ряде отдельных социальных дисциплин, а равно и теоретиков общей социологии. К этой категории относились: Дюркгейм, Леви-Брюль, Парето, Эллвуд, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др. По определению Сорокина, все они смотрели на историческое явление не как на уравнение с одним неизвестным, а как на уравнение со многими неизвестными, которое невозможно решить с помощью учета лишь одного фактора (Сорокин 1994: 188).

тельным стал системно-структурный метод, который позволил во многом по-новому увидеть взаимоотношения частей внутри общества, причины как стабильности, так и развития обществ и т. д. (см., например: Bertalanffy 1951; 1962; 1968; Mesarović 1964; Jones 1969; Боулдинг 1969; Эшби 1969; Щедровицкий 1964; Блауберг, Юдин 1967; 1972; Садовский 1974; Садовский, Юдин 1969а; Аверьянов 1985; Блауберг 1997).

Однако в целом в западной науке усилились боязнь или неприятие глобальных обобщений. Общеизвестно, что исследования социальной эволюции длительное время были в опале в западных странах и особенно в США. Возрождение интереса к этим проблемам в США (так называемый неозолуционизм) началось только в 40–50-е гг. XX в., с работ Лесли Уайта и Джулиана Стюарда, а затем в 50–70-е гг. в этом направлении активно работали такие антропологи и социологи, как Маршалл Салинз, Элман Сервис, Герхард Ленски, Талкотт Парсонс, Роберт Карнейро, Марвин Харрис, Стивен Сандерсон и некоторые другие (White 1949; Steward 1949; 1972 [1955]; Service 1962; 1975; Sahlins 1960; 1972; Sahlins and Service 1960; Lenski 1966; 1970; Parsons 1966; Sanderson 1990; 1999; Carneiro 1973; 2000; 2003; Harris 1968; 1979; см. также оригинальные исследования Ричарда Адамса [Adams 1988] и Кеннета Боулдинга [Boulding 1978]; подробнее об истории эволюционного направления см.: Sanderson 1990; 1999; 2007; Carneiro 2003; Штомпка 1996)³.

Хотя сегодня такое направление относительно узаконено, оно, тем не менее, остается узким, а проблемы социальной эволюции в целом по-прежнему продолжают игнорироваться большинством исследователей. Сам термин «социальная эволюция» употребляется достаточно активно (см., например: Thomas 1989; Johnson and Earle 2000) и даже выносится в названия монографий и сборников (например: Hirst 1976; Polgar 1975; Hallpike 1986; Earley 1997; см. также: Habermas 1979). Но, несмотря на это, теоретическое исследование социальной эволюции продолжает желать лучшего, порой оставаясь на описательном уровне (либо работы в основном посвящены проблемам истории проблемы, причем на этом поле ак-

---

³ Кроме того, имеет смысл упомянуть еще и такие содержательные работы, исследующие процесс социальной эволюции, как: Ingold 1986; Snooks 1996; 1998; Stuart-Fox 2002; Pomper and Shaw 2002.

тивно работают как эволюционисты, так и антиэволюционисты [Hirst 1976; Burrow 1966; Brown 1984; см. также: Nisbet 1969: ch. 5; Mandelbaum 1971)]⁴. Неудивительно поэтому, что антиэволюционное течение по-прежнему остается очень влиятельным, ярким примером чего являются некоторые работы Антони Гидденса (Giddens 1981; 1984 и др.).

В результате существенно уменьшился по сравнению с прошлым интерес к проблемам движущих сил (особенно сквозных), хотя отдельные аспекты в этом плане активно исследовались, например экономические и демографические макроциклы, динамика развития крупных историко-географических систем (мир-систем-ный анализ [см. сн. 4]) и др.

Многофакторность, бесспорно, гораздо лучше однобокого монизма, поскольку не загоняет исследователя в прокрустово ложе. Она также дает некое подобие теории: с одной стороны, признаются важность многих движущих сил и отсутствие среди них самой главной, с другой – возможность в том или ином контексте принять за главную почти любую из них или особую их комбинацию. Но это единство не имеет реального единого основания, то есть не обобщено на самом высоком уровне, а значит нечетко, аморфно, расплывчато. В этом смысле вполне можно согласиться с Кристофером Ллойдом, который считает, что социальные науки сегодня находятся в состоянии методологической и теоретической путаницы, которая, однако, маскируется как плюрализм (Lloyd 1993: 1). В самом деле, если вышеуказанные плюралистические подходы при исследовании отдельных не слишком больших периодов истории и могут быть достаточно эффективными, то они становятся

---

⁴ Даже более модное сегодня «мир-системное» направление, пытающееся найти некую теоретическую основу для широких обобщений и включающее таких известных ученых, как И. Валлерстайн, А. Франк, С. Амин, Дж. Арриги, К. Чейз-Дани, Т. Холл и др. (Frank 1990; 1993; Frank and Gills 1993; Wallerstein 1987; Chase-Dunn and Hall 1994; 1997; Arrighi and Silver 1999; Amin *et al.* 2006), все же остается достаточно изолированным течением. Мало того, даже само понятие всемирной истории (*world history*), хотя в настоящее время и используется в качестве важного рядом исследователей (например: Ghosh 1964; Eisenstadt 1998; Pomper 1995; 1998; Pomper, Elphick and Vann 1998; Geyer and Bright 1995; Manning 1996; J. R. McNeil and W. H. McNeill 2003; см. также: Denemark 1999), долго рассматривалось как малопродуктивное для историков и обществоведов, да и сегодня принимается далеко не всеми (см. об этом: Pomper 1995; Geyer and Bright 1995). Но самое главное, как отмечает Филипп Помпер, даже те историки, которые осознают важность концепции мировой истории, очень слабо понимают методологию ее исследования (Pomper 1995: 1).

малопригодными или даже бесполезными в макроисторическом/ макроэволюционном масштабе и тем более при анализе исторического процесса в целом⁵. Не этим ли в том числе объясняются малые успехи западной науки в разработке теории исторического процесса в целом и его периодизации в частности?⁶

«Одна из неизменных слабостей американского “обществоведения” – с тех пор, как оно стало эмпиричным, – заключается в его исходном убеждении, что простое перечисление множества причин и факторов представляет собой мудрый, научный подход к изучению современного общества. Однако с таким подходом нельзя согласиться, – он представляет собой, конечно, не что иное, как всеядный эклектизм, *уклоняющийся от подлинной задачи социальной теории*», – справедливо отмечал известный американский социолог Райт Миллс еще в 1956 г. (Миллс 1959: 334; Mills 1956: 245 [курсив наш. – Авт.]; анализ кризисных явлений в западной социологии до начала 60-х гг. XX в. см. также в: Gouldner 1971). Стоит добавить, что такой же подход применялся не только к изучению современного общества, но и к проблемам движущих сил развития, а также к большинству проблем теории истории вообще. И – самое главное – за прошедшие полвека положение серьезно не изменилось, уклонение от подлинной задачи социальной теории в целом продолжается, обретая новые, неизвестные еще Миллсу формы отрицания даже ценности самого исторического исследования.

К сожалению, наше обществознание теперь повторяет ошибки зарубежной науки в отношении скептицизма и игнорирования общей теории. Такая реакция на догматизм и объективизм вполне понятна. Но, думается, это путь в тупик. Миллс считал, что подлинная задача социальной теории заключается в том, чтобы выйти

---

⁵ Поэтому вполне можно согласиться, что хотя употребление термина «теория факторов» и вошло в традицию, но в связи с фактическим отсутствием такой теории логичнее было бы употреблять термин «факторный подход» (Рывкина 1970).

⁶ В частности, многие периодизации не имеют четких критериев, либо эти основания эклектичны и меняются от этапа к этапу (например: Green 1995), либо ученые по-прежнему просто ориентируются на схему: древность – средние века – Новое время (см.: Green 1992). При этом многие ученые вообще не задумываются о связи периодизации и концепций (см. об этом: Stearns 1987; Bentley 1996), либо периодизация используется как своего рода заставка для основной концепции (например: Toffler 1980). См. об этом, а также о проблемах периодизации исторического процесса подробнее: Гринин 2006а; 2006б; 2006г; 2007а; 2007б; Grinin 2006.

за пределы простого перечисления относящихся как будто к делу факторов и взвесить каждый из них таким образом, чтобы уловить их взаимную связь и обнаружить типические особенности изучаемых явлений (Миллс 1959: 334–335; Mills 1956: 245). Это правильно, но, нам думается, не менее важной задачей является построение иерархии факторов и причин для каждой «системы координат», то есть для каждой крупной научной задачи, благодаря которой только и могут быть уловлены более точно система причин и направление процесса развития в каждый его важный момент.

4.2. Некоторые варианты классификации и типологии движущих сил исторического процесса и социальной эволюции

Теорию движущих сил исторического развития мы могли бы определить как систему представлений о причинах, которые непосредственно или в конечном счете ведут или могут вести к качественным изменениям в обществах, их элементах и межобщественных явлениях.

Движущие силы можно систематизировать по разным основаниям. Вот некоторые возможные, на наш взгляд, основания для типологии движущих сил (хотя в отрыве от общей теории всякая классификация может стать схоластическим упражнением). Движущие силы исторического процесса и социальной эволюции в целом можно подразделить: 1) на потенциальные и актуальные; 2) глобальные и локальные; 3) универсальные и частные; 4) постоянные и переменные; 5) длительные и кратковременные; 6) внутренние и внешние; 7) природные и социальные; 8) материальные и идеальные; 9) субъективные и объективные; 10) безличностные и личностные; 11) «эволюционные» и «революционные»; 12) ведущие к количественным и ведущие к качественным изменениям; 13) наконец, с точки зрения источников развития движущие силы можно делить также: на ведущие к возникновению противоречия и разрешающие его.

При этом каждая такая пара представляет собой спектр качества, на котором можно выделить множество уровней и подтипов (подробнее см.: Гринин 1997а; 2007д).

Один из авторов настоящей статьи предпринял попытку вывить первичные, то есть несводимые к другим, факторы социальной эволюции (хотя, разумеется, вопрос о «первичности», «фундаментальности» и «несводимости» всегда весьма дискусионен). Им была выделена следующая система таких первичных факторов, которая далее перечисляется с самыми краткими комментариями и ссылками (подробнее см.: Коротаев 1997; 2003: 11–44). В то же время эти факторы далеко не равноценны между собой по их влиянию и значимости. Очевидно, что факторы 4–6 в общем плане менее важны, чем остальные, хотя роль факторов очень сильно зависит от конкретной ситуации.

1. *Демографический фактор*. В контексте данной работы этот фактор для нас особо важен, так как вплоть до самого недавнего времени он являлся одним из важнейших факторов не просто социальной эволюции в целом, но и социальной макроэволюции в частности. Достаточно сказать, что многие социальные макроинновации, а тем более ароморфозы, требовали в качестве своей необходимой предпосылки расширения экономической базы либо в виде экстенсивного ее развития, либо в виде той или иной интенсификации экономики, например существенного роста производительности земли или труда. Развитие в любом из этих направлений так или иначе было связано с увеличением демографического давления. С другой стороны, как было продемонстрировано М. Кремером (Kremer 1993)⁷, рост численности населения означает рост числа потенциальных технологических инноваторов, что в тенденции ведет к ускорению темпов технологического роста. Последний, в свою очередь, в тенденции приводит к увеличению емкости среды, что ведет к новому витку роста численности населения, увеличению численности потенциальных технологических инноваторов, дальнейшему ускорению темпов технологического развития и т. д. Таким образом, формируется механизм положительной обратной связи второго порядка между демографическим ростом и технологическим развитием, обуславливавший гиперболическое развитие

---

⁷ См. также: Подлазов 2000; 2001; 2002; Tsirel 2004; Коротаев, Малков, Халтурина 2007.

Мир-Системы вплоть до 70-х гг. прошлого века (Кортаев, Малков, Халтурина 2007; Марков, Кортаев 2007).

2. *Спонтанные изменения естественной среды.* Достаточно сильные изменения климата, уровня моря, тектонической активности и т. п.⁸ практически неизбежно ведут к ощутимым изменениям некоторых существенных социологических характеристик сообществ, затронутых этими изменениями. Отметим, что здесь мы имеем дело с определенно ненаправленным фактором социальной эволюции, так как указанные изменения естественной среды могут с равной вероятностью вести как к социальному ароморфозу, так и к социальной дегенерации⁹.

3. *Изменение внешней социальной среды.* В качестве одной из важнейших причин многих существенных эволюционных сдвигов в отдельных социумах очень часто выступает именно изменение внешней социальной среды. Наглядно это проявляется, например, в процессе генезиса государства (подробнее см.: Гринин 2007а). Или, скажем, достаточно мощное усиление давления варварской периферии на цивилизационный центр практически неминуемо приводит к той или иной существенной перестройке социально-политических структур данного центра – возрастают объемы ресурсов на оборону, растет удельный вес специализированных воинов, меняется система налогообложения, структура ремеслен-

---

⁸ Вместе с тем аналогичные ненаправленные изменения, вызванные антропогенной деятельностью (мы имеем в виду последствия для природной среды, которые никто не планировал, но которые возникли в результате деятельности людей, вроде засоления или выветривания почв, изменения климата в результате сведения лесов и т. п.) следует рассматривать уже, скорее, как вторичный фактор социальной эволюции, в высокой степени генерируемый ее первичными факторами (в особенности демографическим).

⁹ Обычно же они, как и все остальные ненаправленные эволюционные факторы, толкают подвергающиеся их действию системы к эволюционным идиоадаптациям. Отметим также, что такой важнейший фактор влияния внешней среды, как патогенный (здесь достаточно вспомнить о тех глубоких социальных трансформациях, которые, скажем, испытали Западная Европа, Ближний Восток и многие другие регионы Афроевразии в XIV–XV вв. под влиянием серии катастрофических эпидемий, прежде всего «черной смерти» ☞ [см., например: Herlihy 1997; Dols 1977; McNeill 1998; Borsch 2004; 2005]), следует рассматривать, скорее, как вторичный фактор, в высокой степени генерировавшийся демографическим и другими первичными факторами развития Мир-Системы, при этом на уровне развития Мир-Системы сам патогенный фактор оказывается уже скорее внутренним, чем внешним (McNeill 1998; Diamond 1999: 202–205; Кортаев, Малков, Халтурина 2007: 131–135; о роли изменения природной среды см. также в: Гринин 1997в; 2003а; 2003б; 2006в; 2007а; 2007в; 2007г).

ного производства (в связи с ростом производства вооружения) и т. д. и т. п. Тем не менее, рассматривать данный фактор как самостоятельную фундаментальную движущую силу социокультурной эволюции все-таки можно только с самыми серьезными оговорками, что связано с относительностью понятий внешних и внутренних факторов (см. об этом дальше). Дело в том, что если все сказанное выглядит абсолютно правильным, пока мы продолжаем изучать отдельный социум, то ситуация радикально меняется, как только мы переходим к изучению систем социальных организмов (а создание сколько-нибудь полноценной общей теории социокультурной макроэволюции без такого перехода кажется невозможным). Как только мы начинаем изучать эволюцию не одного лишь цивилизационного центра, а макросистемы, включающей не только этот центр, но и его варварскую периферию, объяснение изменений в цивилизационном центре усилением давления периферии уже не может нас удовлетворить. То, что выглядело как достаточно полноценное объяснение, оказывается лишь началом такого объяснения, ибо теперь становится необходимым выяснить и причины усиления давления периферии, для чего нам уже будет нужно обратиться к каким-то более глубоким факторам (см., например: Коротаев, Гринин 2007).

В то же время в отношении определенных ситуаций внешняя социальная среда выступает в числе именно первичных факторов социальной эволюции. Это касается, например, ситуации изоляции (то есть нулевого воздействия внешней социальной среды), что в колоссальной степени влияет на особенности обществ и на направления и темпы их развития. Изоляция социумов и отдельных групп в социальной макроэволюции едва ли не в такой же степени способствует образованию новых вариантов социальных организмов, как в биологической – новых видов. Дж. Симпсон даже назвал свою книгу, посвященную одному из вариантов такой изоляции в истории биологической эволюции, «Великолепная изоляция» (Симпсон 1983), однако вряд ли эпитет «великолепная» подходит для случаев изоляции в социальной эволюции, поскольку такие общества обречены на отсталость.

4. *Немутационное варьирование сочетания генов в генотипах особей популяции.* Уже в результате действия этого фактора (даже при полном отсутствии мутаций и притока генного материала извне) конкретное сочетание генов в генотипах особей данного поколения популяции будет неминуемо заметно отличаться от подобного сочетания в предыдущем поколении. В результате этого, например, комбинация психофизиологических инвариант в последующем поколении будет практически неминуемо несколько отлична от предшествующего поколения¹⁰. И все же конкретная система отношений в данной социальной группе, как правило, приспособлена именно к текущей конкретной комбинации. И, скажем, увеличение в текущем поколении локальной группы охотников-собирателей числа сангвиников с одного до пяти при соответствующем уменьшении числа флегматиков с шести до двух должно привести и к некоторому (пускай и довольно незначительному) изменению системы отношений в данной локальной группе. К наиболее же очевидным изменениям в соответствующей локальной группе может привести появление особей с выдающейся поведенческой предрасположенностью к лидерству, изобретательской, интеллектуально-инновационной или, скажем, миграционной активности.

На первый взгляд, данный фактор как будто способен играть сколько-нибудь заметную роль исключительно в эволюции сверхмалых первобытных социумов, поскольку в сколько-нибудь крупных социальных организмах подобные флуктуации должны практически полностью скрадываться самим числом включаемых ими особей. Речь, казалось бы, здесь будет всегда идти о крайне удельно незначительных флуктуациях (увеличении, скажем, доли меланхоликов в данном поколении на 0,001 %); крупный многомиллионный социум всегда будет производить достаточное число особей с выдающимися поведенческими predispositionами к лидерству или инновационной активности, число которых будет лишь крайне незначительно колебаться от поколения к поколению и т. п. И все-

---

¹⁰ Разумеется, влияние такого дрейфа генов для социальной эволюции существенно ниже, чем для биологической, в которой этот фактор вместе с комплексом связанных с ним других явлений относится к важным причинам видообразования (см., например: Мауг 1976; 2001; Мауг and Provine 1998; Четвериков 1968; Симпсон 1983; Грант 1991; Иорданский 2001; Яблоков, Юсуфов 2004).

таки утверждение о том, что данный фактор не способен играть какой-либо заметной роли в эволюции подобных социальных систем, не столь убедительно, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что во многих крупных социумах существуют нередко достаточно малочисленные и замкнутые группы лиц, от изменений в системе отношений между которыми может зависеть в заметной степени ход эволюции гигантских социальных организмов. Наиболее очевидным примером здесь являются правящие линии в некоторых монархических государствах и иные виды замкнутых малочисленных, но влиятельных элит; сказанное может иметь отношение, например, к семействам собственников сверхкрупных фирм и т. п.

Нельзя не отметить, что и этот фактор довольно слаб и имеет совершенно ненаправленный характер. В то же время достаточно вспомнить только пример с наследственной гемофилией у наследника Николая II царевича Алексея, то, к каким негативным последствиям в психологии и поведении царя и царицы, а также всего царского двора и даже правительства (например, через влияние Распутина) это привело, чтобы увидеть, что он порой может играть существенную роль.

Относительно этого и следующего факторов стоит заметить, что имеется целый ряд исследований, посвященных проблеме коэволюции социальных и биологических факторов в историческом процессе, в которых анализируется роль динамики генов, их дрейфа, изоляции человеческих популяций и мутаций на трансформацию человеческих обществ (см., например: Lumsden and Wilson 1981; Boyd and Richerson 1985; Durham 1991). В то же время мы согласны со Стивеном Сандерсоном, что такие попытки напрямую связать биологию и социологию в целом оказались непродуктивными и нередко грешат откровенными натяжками (см.: Sanderson 1990: 174–180), а также с мнением Марион Блут, что такие коэволюционные подходы есть, по сути, скрытая попытка навязать подходы социобиологии (Blute 1987), что, впрочем, нередко дает достаточно интересные результаты (см., например: Durham 1991).

5. *Собственно мутации.* Очевидно, что становление вида *Homo sapiens sapiens* не могло произойти без определенных мутаций в

самом строгом смысле этого понятия. Вместе с тем достаточно очевидно, что связанное с этим существенное изменение человеческой биограммы не могло не оказать заметного воздействия и на трансформацию социальных структур носителей данной биограммы. В целом не вызывает сомнения значимость этого фактора для биосоциокультурной эволюции наших предков на протяжении нескольких миллионов лет, предшествовавших появлению человека современного вида. Имеются также определенные основания предполагать, что биологическая эволюция человека не остановилась полностью не только 200–150 тыс. лет назад, но и после так называемой верхнепалеолитической революции (примерно 40 тыс. лет назад) и даже после последовавшего за ней много позже процесса основного расогенеза (см., например: Алексеев 1984: 345–346; 1986: 137–145). Если же иметь в виду такой фактор, как изоляция различных групп населения, что, по мнению В. П. Алексеева, приводит к тому, что они превращаются в популяции с заметным разнообразием генетических маркеров, то такие явления наблюдались еще в эпоху бронзы и раннего железа (Алексеев 1986: 140) и, вероятно, в более поздние эпохи. Следовательно, указанный выше фактор должен был играть какую-то роль в биосоциокультурной эволюции и *Homo sapiens sapiens*. Вместе с тем определить эту роль хоть с какой-то точностью в настоящее время представляется крайне трудным, хотя какой-то прогресс в этом направлении за последнее время все-таки наблюдается (см., например: Боринская 2005; Боринская, Кортаев 2007). В любом случае достаточно очевидно, что и этот фактор достаточно слаб и имеет совершенно ненаправленный характер.

6. *Социокультурные мутации.* Как уже упоминалось выше, в социальном организме представляется возможным найти некий отдаленный аналог генотипу – определенный набор культурно значимых текстов (совсем не обязательно зафиксированных в письменной форме), в значительной степени в соответствии с которыми строится жизнь социума, воспроизводятся социальные практики и институты (социальный фенотип). Можно здесь найти какой-то аналог и биологическим мутациям. Неудивительно, что этот аспект сравнения биологического и социального развития привлекает осо-

бое внимание исследователей (см., например: Campbell 1965; Langton 1979; Cavalli-Sforza and Feldman 1981). Действительно, передача сколько-нибудь значительного объема информации на протяжении значительных промежутков времени абсолютно без всяких искажений, как кажется, является в принципе невозможной. Определенные ошибки и искажения здесь являются практически неизбежными, что должно уже само по себе приводить к каким-то (пусть самым незначительным) изменениям и в социальном «фенотипе». Вполне понятно, что и здесь мы имеем дело с довольно слабым фактором, имеющим совершенно ненаправленный характер.

В то же время мы прекрасно понимаем, а также полностью солидарны с критикой тех, кто увлекается такими сравнениями (в частности, в этом плане мы согласны с подходом С. Сандерсона [Sanderson 1990 и др.]), что такие сравнения не имеют строгого характера, что их использование допустимо только как аналогия, которая полезна в плане лучшего представления проблемы, но которая должна использоваться очень ограниченно.

7. *Конфликт интересов.* Во всяком сколько-нибудь высокоорганизованном (и даже не обязательно только человеческом) сообществе никогда не может быть такого, чтобы текущим положением вещей были довольны абсолютно все члены сообщества. Всегда в сообществе будет и определенное количество особей, стремящихся изменить существующее *status quo*. Это во многом связано с тем, что в любом самом примитивном обществе существует то или иное неравенство. Даже если социум эгалитарен, это означает, что те, кто дает ему больше, при распределении получают меньше, так как должны делиться с остальными¹¹. Поэтому, говоря диалектично, любое равенство есть в то же время и неравенство. Основами, которые изначально предполагают существование неравенства в лю-

---

¹¹ Современные этологи чаще всего определяют отношения внутри многих сообществ приматов, особенно крупных сообществ, как иерархические, нередко жестко иерархические (см., например, яркие описания таких отношений: Дольник 2007; см. также: Butovskaya, Korotayev and Kazankov 2000). Это, по всей видимости, означает, что принципы неизбежности неравенства членов социума не являются изобретением социальной эволюции, а, скорее, получены ею «в наследство» от биологической и социально-биологической эволюции. Напротив, по-видимому, именно крайняя эгалитарность более «искусственна», более порождена социальной эволюцией, чем иерархичность.

бом обществе, будут уже естественные различия в поле, возрасте, физических, умственных и психических (воля, напористость, агрессивность, властность и т. п.) качествах людей. Кроме того, фундаментальным свойством человеческого общества является то, что любое совместное производство, как, впрочем, и любая другая деятельность, фактически всегда отражает сложившийся тип неравенства и конкретный баланс интересов групп, слоев и участников, в результате чего какие-то из них всегда оказываются в более привилегированном положении, что выражается в различии ролей в производстве, общественной жизни и распределении как материальных, так и важных нематериальных ресурсов. При этом всегда существуют принципы и механизмы социального деления, а также способы, «с помощью которых неравенство передается от одного поколения к другому» (Смелзер 1994: 174) (философско-социологический анализ неравенства в обществе см. в: Гринин 1997б; 1997в: 86–90; 2003б: 171–178).

Особенно значимым данный фактор неравенства и конфликта интересов на его основе становится, конечно, в сложных постпервобытных обществах, где конфликт между интересами представителей разных социальных групп, слоев, сословий, классов и т. д. (через вызванные этим скоординированные попытки представителей соответствующих слоев изменить ситуацию в свою пользу) становится одной из важнейших сил социокультурной эволюции. Как говорил Р. Дарендорф (1994: 143), «социальные конфликты вырастают из структуры обществ». Отметим, что имущественные отношения (тем более отношения собственности) чаще всего предполагают неравенство. Если же оно воспринимается как несправедливое неравенство, затрагивающее кровные интересы большинства членов общества, тогда этим отношениям требуется сильная охрана от посягательств, желательно с поддержкой политической власти. Усиление посягательств увеличивает жесткость мер по защите отношений, что, в свою очередь, усиливает представления о степени несправедливости и дает оправдание новым посягательствам (можно вспомнить афоризм Прудона «Собственность – это кража» или лозунг «экспроприации экспроприаторов»). Такая по-

ложительная обратная связь способствует усилению конфликта интересов и выступает одной из движущих сил трансформации многих сложных обществ.

Есть некоторые сомнения относительно того, правильно ли в качестве действительной движущей силы социокультурной эволюции рассматривать именно социальный конфликт (как это нередко делают, скажем, марксисты и сторонники так называемой теории конфликта), то есть само реальное столкновение двух враждующих сил, одна из которых, скажем, пытается изменить статус-кво в свою пользу, а другая – этот статус-кво сохранить. Фактически реальные социальные конфликты зачастую выступают как сила, скорее сдерживающая, чем движущая социокультурную эволюцию. Действительно, если в подобной ситуации вторая сторона по тем или иным причинам не окажет сопротивления и первая сторона изменит положение вещей в свою пользу без всякого реального социального конфликта, значимый эволюционный сдвиг произойдет только скорее. В случае же, если сопротивление будет оказано и реальный социальный конфликт все-таки произойдет, вторая сторона вполне может выйти из него победителем и добиться сохранения статус-кво, значимого социально-эволюционного сдвига в таком случае может и не произойти, либо такой сдвиг будет заметно менее значительным, чем если бы подобное сопротивление не было оказано. Поэтому в качестве фундаментальной движущей силы корректнее, видимо, рассматривать именно конфликт интересов, а не продуцируемый им реальный социальный конфликт. Последний же, если и может выступать в качестве движущей силы каких-то социальных сдвигов, должен, по-видимому, рассматриваться в качестве вторичного фактора, продуцируемого действием более фундаментальных эволюционных движущих сил.

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с фактором, несравненно более сильным, чем факторы 4–6, но также имеющим ненаправленный характер.

8. *«Механизм развертывания потребностей»*¹². Данный «механизм» представляется вполне реальным, и его появление кажется вполне объяснимым. Похоже, его можно рассматривать как частное проявление некоего универсального свойства всего живого, обладающего, по-видимому, гигантским потенциалом, не реализуемым, как правило, в обычных условиях (см., например: Медников 1982: 78–81). На наш взгляд, здесь мы имеем дело с достаточно мощным направленным фактором не просто социальной эволюции вообще, а во многом именно социального развития.

9. *Исследовательская активность*. Уже на дочеловеческом уровне среди ряда высокоорганизованных животных отмечается существование обусловленной во многом генетически поведенческой предрасположенности к исследовательской активности¹³, которую можно рассматривать в качестве вполне автономной и фундаментальной движущей силы социокультурной эволюции вообще и мощного фактора социального развития в частности (при этом, как уже отмечалось выше, особо мощное действие этот фактор может оказывать в паре с демографическим фактором при формировании между ними положительной обратной связи второго порядка).

10. *Функционирование социальных систем определенного типа в условиях ограниченности ресурсов*. Во многих случаях само функционирование системы ведет к ее эволюции, если оно идет за счет потребления некоего невозобновляемого ресурса. Как только «запасы» этого ресурса истощаются ниже некоего порогового значения, появляется возможность эволюционного сдвига (хотя бы и в форме дегенерации). Либо находится способ возобновлять используемый ресурс, либо находится ему какая-то альтернатива¹⁴.

---

¹² В марксистской социологии, как правило, обозначается как «закон возвышения потребностей». Ссылка при этом, как правило, делается на вполне правильное, на наш взгляд, в своей основе утверждение «Немецкой идеологии»: «...Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям...» (Маркс, Энгельс 1955: 27).

¹³ Применительно к человеческим сообществам к ней в общем плане можно отнести вообще всякую активность, выходящую за рамки обычной и рутинной и ведущую к изменениям, например творческую, предпринимательскую, даже просто неконформистскую.

¹⁴ Особенно мощно эта ситуация влияет на, условно говоря, почкование обществ в виде переселений и колонизации. Оказавшись же в новых условиях, части социума неизбежно

Если же никакого удовлетворительного ответа не находится вообще, то система просто дегенерирует, но эволюционный сдвиг в любом случае происходит. Речь, по всей видимости, в таких случаях идет о достаточно мощном, но ненаправленном факторе социальной эволюции¹⁵.

Более подробно о движущих силах социальной эволюции вообще и социального развития в частности, а также их классификации см.: Гринин 1997а; 2007д; Коротаев 1997; 2003. В настоящей статье полнее мы остановимся только на анализе внешних и внутренних движущих сил как имеющих особое значение для анализа проблем макроэволюции.

4.3. Внешние и внутренние движущие силы

На протяжении многих тысяч лет социальное развитие происходило относительно медленными темпами, напоминая движение монотонно поворачивающегося, казалось бы, на одном месте колеса (Тойнби 1991). И в то же время это тяжелый и разрушительный процесс, в результате которого методом естественно-исторического отбора с помощью бесчисленных проб и ошибок, «выбраковки», по выражению М. Гефтера (1988), неудачных или неэффективных форм постепенно выявлялись удачные и эффективные (другое дело, что рост эффективности той или иной социальной системы в

должны адаптироваться к ним, а нередко и специализироваться. В чем-то аналогичный процесс в биологии называется адаптивной радиацией (и о нем еще будет речь).

¹⁵ Отметим, что в качестве непосредственной движущей силы социально-эволюционных сдвигов в таких случаях выступает истощение определенных ключевых ресурсов, однако его нельзя считать первичной движущей силой, ибо само это истощение выступает в качестве результата действия более глубоких движущих сил, которые включают в себя само функционирование систем определенного типа, но также, естественно, и некоторые другие первичные движущие силы – в том числе демографический фактор, спонтанные изменения природной среды, механизм развертывания потребностей. Это как раз случай варианта классификации движущих сил, о котором сказано выше: с точки зрения источников развития движущие силы можно делить на ведущие к возникновению противоречия и разрешающие его (см. об этом, в частности: Гринин 1997б: 27–28). Надо иметь в виду, что без противоречия нет развития, но возникновение противоречия не ведет автоматически к развитию, поскольку оно может долго или вовсе не разрешаться (в этом случае в обществе начинается процесс дегенерации). Функционирование негибких систем в условиях ограниченности ресурсов как раз подводит к противоречию, а тот или иной ответ общества на ситуацию дефицита основного ресурса становится разрешающей возникшее противоречие движущей силой.

одном отношении на протяжении большей части человеческой истории, как правило, сопровождался снижением этой эффективности в некоторых других отношениях [см., например: Коротаяев 2003]). Необходимость приноравливаться к безжалостной окружающей природной и социальной среде способствовала лучшей приспособляемости¹⁶. И выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на внешний вызов, был наиболее сильным, энергичным, сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, «везучие» – защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Социальный естественный отбор (как, впрочем, и биологический) поэтому неразрывно связан со случайностями. Таким образом, упрощенно говоря, внешние движущие силы (природа, социальное окружение) воздействовали на общество так, что создавали возможности для естественного отбора, а различные контакты и заимствования способствовали распространению того, что доказывало себя наиболее эффективным. Соответственно чем теснее связаны общества, тем больше возможность проявления и распространения достижений.

Выше мы уже говорили, что считаем необходимым пересмотреть многие взгляды на сам ход социальной эволюции в целом. И особенно важно отказаться от представления, будто переход к новому качеству есть процесс, подобный превращению зародыша во взрослую особь с помощью генетического кода, то есть процесс изменений, запрограммированных предыдущим развитием и лежащих «внутри» обществ. Ведь любой генетический код (если только он не подвергся значимой мутации) обеспечивает развитие

---

¹⁶ Исследователей во многих обществах восхищала целесообразность производства, быта, форм политического устройства, культуры и т. п. данной конкретной обстановки. Плеханов писал по этому поводу: «Тут повторяется то же явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное самим характером своим осуждено на гибель» (Плеханов 1956: 644). Впрочем, и нецелесообразное может воспроизводиться на протяжении длительного времени. В качестве примеров можно упомянуть обычай поедания мозгов умерших среди папуасов куру, ведший к воспроизводству у них эндемичной тяжелой болезни, обозначаемой как раз по имени этой группы папуасов (см., например: Diamond 1999), обычай женского обрезания у многих народов Африки и т. п. Но все же в конце концов в социальной эволюции нецелесообразное, как правило, либо отмирает, либо остается уделом «аутсайдеров».

только по известным уже и тысячекратно опробованным образцам. Мало того, он препятствует любимым, тем более качественно новым изменениям, он ведь и призван не допустить отклонения от программы. Общеизвестно, что генетические мутации обычно возникают при отклонениях внешних условий от нормы и абсолютное большинство из них нейтральны или вредны. Поэтому развитие социальных систем по траекториям, задаваемым их «культурно-генетическим кодом», в первой части статьи и было названо нами *неэволюционным* развитием.

Эволюционное же развитие, то есть продвижение социальных организмов к приобретению нового, до этого момента неизвестного ароморфного качества, всегда связано с появлением новых же, в той или иной степени небывалых прежде проблем (для данного социума или даже Мир-Системы в целом), таких, например, как резкий рост населения до неизвестного прежде уровня, острая нехватка земли, появление опасных врагов, раскол и гражданская война в прежде мирных социумах, резкое социальное расслоение, небывалое ухудшение экологической ситуации и т. д. И тут стоит обратить внимание на огромную роль внешних факторов среди этих проблем, или вызовов (см. также примеры выше). К сожалению, этот аспект вопроса сильно недоучитывается как в отечественной, так и в зарубежной науке. Например, распространена тенденция преуменьшать роль войн и завоеваний в процессе образования государственности. Так, согласно Х. Й. М. Классену, войны и завоевания в процессе образования государства играли менее важную роль, чем идеология или социальная стратификация (Claessen 1989; 2000; 2002; Классен 2006). Советской же науке и вовсе был свойствен принцип приоритета внутренних процессов перед внешними. Так, Л. Е. Куббель полагал, что необходимо отстаивать «тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления

классового государства» (Куббель 1988: 214, 230)¹⁷. Даже последовательные критики советского наследия в отечественном обществоведении полагают, что только «внутренние метаморфозы первобытных социумов» есть закономерные процессы. А межплеменные конфликты и войны, хотя они на практике и имели широкое распространение, следует расценивать как незаконмерные (Хоцей 2000: 42)¹⁸.

Однако только новых вызовов для серьезных изменений явно недостаточно. Дело в том, что большинство обществ «отвечают» на новые проблемы старыми, привычными, опробованными способами, поскольку они выбирают не из гипотетических, а из доступных альтернатив (Van Parijs 1981: 51), то есть используют не потенциально возможные, а актуально известные меры (Claessen 1989). Естественно, что такие «ответы» не всегда являются эффективными. В результате множество социумов гибнет, исчезает, теряет самостоятельность.

Так, после ухода в 410 г. н. э. из Британии римских войск бритты (романизированные британские кельты) в поисках защитников от набегов ирландских и шотландских варваров пригласили к себе саксов и дали им землю (осуществив тем самым определенную социальную инновацию, впрочем, уже неоднократно апробированную в римском мире с его практикой «воевать против варваров руками варваров»). Но саксы, увидев слабость британцев, вскоре перестали повиноваться местным властям и в конце концов вместе с англами и ютами стали хозяевами в стране. А бритты, несмотря на долгое и упорное сопротивление, были частично изгнаны, а частично уничтожены или порабощены. Поэтому в Британии вместо «бриттско-

---

¹⁷ Порой появлялись и вовсе удивительные утверждения: «Политическое развитие африканских обществ происходило на всех этапах при решающей роли **внутреннего** алгоритма, определяемого взаимодействием общины и надобщинной структуры власти. Эволюция последней главным образом зависела от **внешнего** фактора» (Бочаров 1991: 74; выделено нами. – *Авт.*). Получается, что хотя главным и было внутреннее взаимодействие общины и власти, но эволюция структуры власти почему-то в основном зависела от внешних факторов. Странная какая-то логика. Не правильнее ли было сказать, что политическое развитие в большой мере зависело как от внутренних, так и от внешних факторов?

¹⁸ Подробнее критику подобных подходов, а также вопрос о роли войн и других внешних факторов в процессе образования государства см. в: Гринин 2007а; Grinin 2003; 2004. Но еще раз подчеркнем, что разделение на внешние и внутренние факторы в чем-то условно, поскольку внешние в одной системе координат силы в другой системе становятся внутренними (подробнее см.: Гринин 1997б; 2007а; 2007д; Коротаяев 1997; 2003).

го» государства появились варварские англосаксонские королевства (Blair 1966: 149–168; Chadwick 1987: 71; Филиппов 1990: 77).

Но иногда социальные организмы все же вынуждены отвечать действительно по-новому; порой так случается помимо их желания. Конечно, и такие новые ответы далеко не всегда разумны, эффективны и удачны. Ведь путь к новому – путь неизвестный, неведомый, на ощупь. Значит, ошибки, в том числе непоправимые, неизбежны. Оттого-то столь часто в истории общества гибнут или клонятся к упадку. *Поэтому для появления новой, эволюционно перспективной модели всегда требуется сочетание особых, в чем-то исключительных условий, уникальное совпадение внешних и внутренних факторов, то есть новых вызовов и новых удачных на них ответов* (см. подробнее: Гринин 1997а; 1997б; 1997в; 2003а: 52–53; 2003б: 48–52; 2007а, кн. 1: 7–10, 56–60).

В целом в общеисторическом плане только незначительное меньшинство ответов на вызов было способно стать источником системных ароморфозов. А значит, большинство обществ было не в состоянии перейти на новый качественный уровень: у них отсутствовали необходимые потенции, или в их конструкции существовали некие «дефекты», или система была слишком жесткой, чтобы легко трансформироваться, либо требовались такие условия, которые никак не возникали; могло это происходить и по иным причинам. Между тем вовсе не случайно именно социальное развитие нередко рассматривают как центральное в отношении социальной эволюции (White 1949; Steward 1972 [1955]).

Отсюда ясно: все еще очень распространенный взгляд, согласно которому все общества и народы имеют одинаковые стадии развития и различаются только временем их прохождения, принципиально не верен. Эволюция – это, образно говоря, не широкая лестница, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении и самостоятельно все, а самый сложный лабиринт, выход из которого без заимствований находят лишь некоторые (и то только на каком-то определенном этапе, а в конечном счете найти «выход из лабиринта» совсем без всяких заимствований не смогло ни одно общество). Иными словами, далеко не каждое конкретное общество является повторением в малом масштабе общего эволюционного развития, а только некоторые из них и лишь на отдель-

ных периодах макроэволюции (и то с большими оговорками). Дело в том, что эволюционный прорыв к качественно новому уровню (ароморфозу) в одном месте (обществе) может состояться только за счет гибели, стагнации, движения вбок и т. п. массы других обществ.

Это можно подтвердить, скажем, на примере образования государства. Потребовались тысячелетия, чтобы эволюционные преимущества этой новой формы ясно выявились, и она стала господствующей. Но при этом десятки тысяч политических организмов исчезли как самостоятельные, навсегда потеряв шанс ими стать.

Почему, допустим, соседи Руси – печенеги и половцы – так и не создали государства? Почему не возникло государства у галлов, хотя по уровню культуры, численности населения, развитию городов и торговли они заметно превосходили многих других, например саксов и англов, захвативших Британию? (Об очень высоком уровне развития доримской Галлии см., например: Clark and Piggott 1970: 310–328; Chadwick 1987; Бессмертный 1972; Бродель 1995; Шкунаев 1989; Цезарь, Галльская война; Штаерман 1951; Филип 1961: 116–129; Монгайт 1974: 248–253; Леру 2000; Тевено 2002.) Приведем и более близкую аналогию. Были ли в рамках Мир-Системы позднего средневековья и начального периода новой истории (XV–XVIII вв.) неизбежными процессы объединения мелких, близких в этническом отношении политий (княжеств, герцогств, курфюршеств, городских республик и т. п.) в крупные централизованные государства? Несомненно. Однако в Италии и западной Германии таких государств не сложилось. И появились они много позже уже под сильным внешним влиянием. А в Польше, например, сильная королевская власть так и не была создана никогда. Для россиян также не лишним будет напомнить, что наша собственная страна отклонилась от, казалось бы, неизбежного (в контексте общей эволюции Мир-Системы XIX–XX вв.) развития в сторону демократии и укрепления частной собственности. Да и сегодня процесс глобализации резко делит страны и народы на тех, кто будет играть важную роль в новом глобализующемся мире, и на тех, кто будет (по крайней мере, на протяжении ближайших десятилетий) преимущественно объектом изменений.

Таким образом, хотя вполне правильно считать государство неизбежным результатом эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане – в той мере, в какой речь идет о государстве как итоге длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора и т. п. Другими словами, это верно в целом для человечества. **Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным.**

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, стоящих перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими из прежних отношений и традиций. А сделать это достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому многие общества и шли собственной дорогой, которая, однако, нередко вела к иным результатам, в частности к сверхразвитию прежних тенденций (см., например: Гринин 2007а; Grinin 2003; 2004) или к становлению принципиально новых форм сложной политической организации, качественно отличной от государственных систем (см., например: Коротчаев, Крадин, Лынша 2000). Подобное развитие могло вести, например, к крайней сакрализации правителя; к сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий; к усложнению сетевых горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных и социальных различий (кастовая система); к созданию конфедераций племен, гражданских общин или городов без сильной центральной власти (но с эффективными альтернативными механизмами межсоциумной интеграции) или к другим моделям. При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами (подробнее см.: Гринин 2006б; 2007а; Grinin 2003; 2004).

Нередко судьба отдельного общества зависит и от случайностей, особенно в периоды неустойчивых, бифуркационных его состояний. В частности, моменты появления государств и других сложных политических систем нередко создавали такую зону бифуркации для массы изменяющихся обществ, когда те или иные, казалось бы, незначительные события могли сыграть решающую, а то и роковую роль. Так, например, Чингисхан еще до провозглаше-

ния его верховным ханом трижды чудом избегал смерти, причем один раз его искали триста погнавшихся за ним всадников (Харан-Дава 1996: 105). Погибни он – и гигантской империи бы не возникло. Ведь история кочевников говорит, что порой проходили сотни лет, пока появлялся деятель, способный до такой степени сплотить их. А Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48). В Новое время бифуркационные состояния особенно часто возникали в период революций, во время которых роль личностей и с ними связанных случайностей возрастала необыкновенно (см. подробнее: Бородкин 2002; 2007; Гринин 1997б: 37–59; 2003б: 75–85; 2007б; 2007д: 185–200).

Таким образом, с одной стороны, любой эволюционный скачок подготавливается всем предыдущим развитием и опытом за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назреванием потребностей в «решении задачи», пока линия эволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой – где и как это произойдет – вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий. Таким образом, хотя конкретная инновация или макроинновация (которая позже становится эволюционно значимой для целого ряда обществ) очень часто появляется в каком-то конкретном обществе в конкретное время и в результате особых условий, очевидно, что причины и условия появления этого эволюционного изменения нельзя искать только в особенностях породившего его социума. Какие бы особо благоприятные условия в данном обществе для рождения социального ароморфоза ни создались, данные условия всегда подготавливались развитием множества других предшествующих и современных ему обществ, даже если эти усилия были неудачными или неосмысленными. А часто они подготавливались как раз такими неудачными поисками новых путей.

Для появления значимых социальных ароморфозов нужен определенный (гораздо более широкий, чем одно общество) социальный масштаб (часто масштаб Мир-Системы) и большое «видовое» разнообразие определенных социальных форм (см., например: Гринин 1997а; 1997б). Так, рождение первичной системы машинного производства в хлопчатобумажной промышленности Англии в 1730–1760-е гг. XVIII в., а затем и появление системы паровых

машин, с одной стороны, определялись общим уровнем развития, интегрированности и потребностей Европы и мира, а с другой – уникальными особенностями предшествующей истории Британии (см. об этом: Гринин 2003а: 139–140) и событиями, которые в отношении появления машинной промышленности выглядят достаточно случайными. Среди последних, в частности, был запрет на ввоз индийских, китайских и персидских хлопчатых набивных тканей в Англию. Это была обычная протекционистская мера, предпринятая под давлением производителей шерстяных тканей (Манту 1937: 160). Таких запретов в каждой стране, включая Англию, вводилось множество, но революционных последствий они, как правило, не вызывали. Поскольку такой закон был утвержден после достаточно упорной борьбы и, значит, его принятие вполне могло и не состояться – а это и есть случайность, – можно задаться вопросом: как бы формировался тогда машинный способ производства? На наш взгляд, переход к нему мог затянуться и даже состояться в другом месте, то есть не в Англии. Однако раньше или позже такой ароморфоз имел бы место с исключительно высокой степенью вероятности. Таким образом, запрет на ввоз тканей сыграл роль удачной случайности (наряду с некоторыми другими).

Однако в целом то, что обычная протекционистская мера выполнила функцию пускового механизма в процессе формирования нового способа производства, объясняется тем, что одновременно и Мир-Система в целом, и Англия как достаточно передовая, но все же еще периферийная ее часть (именно та, в которой легче могли произойти ароморфозные изменения) уже были готовы к такому рывку. Уже существовала ранняя капиталистическая система и появился промышленный принцип производства (см.: Гринин 2003а: 123–138; 2007а, кн. 3: 73–78), создались колониальные империи и мощно развивалась мировая торговля (результатом чего и стал наплыв индийских тканей в Европу). Следует также учитывать наличие колоссального технического прогресса. В частности, история паровой машины насчитывала к концу века уже более ста пятидесяти лет (см., например: Манту 1937: 264).

Вот почему в определенном смысле вполне можно говорить, что появление нового ароморфного качества **всегда есть синтез надобщественного (цивилизационного, регионального, мир-**

системного вплоть до общечеловеческого) масштаба развития и особенностей осуществившего инновацию общества. Кроме того, значимая инновация становится макросоциальным ароморфозом, только если она распространяется значительно дальше породившего его общества. Только тогда она эволюционно закрепляется и способна вызывать дальнейшие изменения. Но в социальной эволюции достаточно часто возникают инновации, которые не принадлежат ни одному обществу в отдельности, а являются как бы общим достоянием. Таким общим достоянием всех мусульман, например, ислам сделал Каабу, которая и до этого была сакральным местом для многих племен Аравии. И создание такой общеисламской святыни внесло свой вклад в формирование исключительно важного института паломничества, сыгравшего огромную роль в истории исламской (и мировой) цивилизации (см., например: Кортаев, Клименко, Прусаков 2007). К числу таких институтов относятся и общечеловеческие организации (Лига Наций, ООН).

В этой связи важно отметить и следующее. Главными движущими силами в одних случаях могут выступать внешние воздействия, в других – внутренние противоречия (например, социальная или партийная борьба). Но мы можем констатировать, что для каждого типа обществ (с учетом его «культурного кода») **есть свой определенный предел, потолок развития, выше которого они не могут подняться, не изменив свой культурный код.** Дальше него (принимая во внимание характеристики эпохи) данное общество может пойти либо в результате выпадения из общего ряда как новая «веточка» эволюции, либо под воздействием более развитых соседей и при необходимой структурной трансформации. В ином случае общество вступает в кризис (например, в социально-демографический кризис), но не в силах удовлетворительно, то есть радикально, разрешить его. Это одно из объяснений циклов подъема и упадка, столь характерных для многих древних и средневековых обществ.

В этих случаях государство начинает очередной цикл с новой отметки (как это было показано нами ранее в отношении Западной и Восточной Хань), но в своей эволюции оно часто пропускает наиболее удачный момент для такой качественной мутации и трансформации, которая бы вывела его на новую, более перспективную эволю-

ционную траекторию. Развитие же по старой эволюционной траектории может в таком случае только отдалять его от точки, от которой возможно было еще совершить эволюционный скачок. Иными словами, эволюция может быть очень значимой, но вектор такой эволюции направлен в иную сторону, чем в конечном счете он оказывается направленным в тех обществах, которые такой прорыв осуществили. Развитие Китая является ярким примером этого типа развития. В нем от кризиса к кризису эволюционировало государство и его способность поддерживать рост населения, пока она не достигла поразительных показателей (подробнее см., например: Коротаяев, Комарова, Халтурина 2007: 68–112; Гринин 2003а: 123–124; 2007а, кн. 2: 261–265). Но тем самым Китай, возможно, все дальше уходил от направления технического и производственного капиталистического развития, которое «избрала» Европа, а через некоторое время, по большей части вынужденно, и все остальные зоны Мир-Системы.

По мере развития все новых социальных факторов (особенно промышленного производства, науки, классовой и партийной борьбы, современных идеологий и т. д.), а также ослабления изоляции обществ **роль идиоадаптационных эволюционных составляющих относительно ослабевает, а роль ароморфизирующих составляющих (составляющих развития) растет.** В макроэволюции все более усиливается роль социального реформирования. По мере же интеграции человечества и появления у него общих проблем и своего рода международной «этики» реформирование начинает перерастать в то, что можно назвать социальной селекцией (местный тип общества «скрещивается» с образцом передового) и инженерией (то есть конструированием модели общества и планированием его функционирования и развития в соответствии с этой моделью). Разумеется, эти способы развития еще в начальной стадии и полностью себя не проявили. А роль спонтанной неконтролируемой социальной макроэволюции хотя и ослабла, но все же сохраняется в очень высокой степени.

4.4. Движущие силы и изменение «алгоритма» социальной макроэволюции

Очевидно, что изменение баланса движущих сил ведет к модификации проявления отдельных исторических законов – например, исторического/социального отбора, который в современных условиях уже не ведет к физическому уничтожению отставших обществ и тем более их населения, а напротив, такие общества становятся объектом особого внимания мирового сообщества. А система регулирования численности населения в условиях индустриального и постиндустриального производства обеспечивает то, что демографическое развитие уже не ведет к мальтузианскому исходу, то есть социально-демографическим катастрофам. Кроме того, существенно модифицируется и в целом система релевантных исторических законов и движущих сил исторического развития: одни законы и силы перестают быть релевантными, так как исчезают условия, при которых наблюдается описываемая ими динамика, зато становятся значимыми другие законы, описывающие социально-историческую динамику в новых условиях (один из ярких примеров – процессы глобализации).

В какой-то мере, хотя и достаточно условно, можно говорить и о системе изменяющихся типов макроэволюции. В частности, прежде всего можно отметить два крупнейших изменения в характере макроэволюции. Во-первых, это **переход в период антропогенеза от биологической к социальной макроэволюции; во-вторых, это переход в рамках уже социальной эволюции от социально-природной к социально-исторической макроэволюции в течение аграрной революции.**

В течение антропогенеза биологическая макроэволюция сначала трансформировалась в биолого-социальную; затем последняя – в социально-биологическую; и только потом – уже в собственно социальную (см., в частности: Гринин 2006а; Grinin 2006). В течение периода присваивающего принципа производства, однако, крупных ароморфозов было еще мало, поэтому и темпы социоэволюционного процесса были относительно медленными, а направленность социальной макроэволюции – очень нечеткой. Такой тип социальной макроэволюции можно обозначить как социально-природный. В результате системы взаимосвязанных крупнейших социальных ароморфозов, связанных с аграрной революцией, постепенно со-

стоялся переход к социально-историческому типу макроэволюции. Вследствие этого социальная макроэволюция существенно меняет свой «алгоритм», что значимо повлияло на модификацию законов и их релевантность для разных крупных эпох¹⁹. В качестве примера того, как происходит изменение значимости законов и самого хода действия «алгоритма» социальной макроэволюции, можно рассмотреть подобные трансформации в ходе аграрной революции.

Главным фактором изменений в обществах периода присваивающей экономики была необходимость приспособливаться к окружающей среде (в том числе и в результате заселения людьми все новых и новых территорий с непривычными природными условиями – от пустынь Австралии до льдов Арктики, что было возможно только при существенной модификации соответствующих социокультурных систем). Это в конце концов позволило человеку заселить большую часть земной суши, создать огромное разнообразие орудий труда, вещей, социальных и иных институтов. Удачное приспособление позволяло людям не только выживать, но и нередко жить достаточно комфортно в первобытном обществе изобилия (*original affluent society*), по выражению М. Салинза (Sahlins 1972). Характер взаимоотношений людей с окружающей средой существенно варьировался, но в целом он был приспособительным к природной среде (см., например: Леонова, Несмеянов 1993; см. также: Гринин 2003а: 82–83).

В аграрную эпоху характер этих взаимоотношений меняется за счет перехода к достаточно осмысленному и активному преобразованию окружающей среды в широких масштабах (ирригация, вы-

---

¹⁹ Один из авторов данной статьи уже делал попытки разработать схему изменения типов макроэволюции для последующих этапов исторического процесса (см.: Гринин 2007д: 177). Согласно этой схеме, в период аграрно-ремесленного принципа производства преобладающим становится тип **военно-цивилизационной макроэволюции**. В период индустриального принципа производства кардинально меняются как темпы макроэволюции, так и релевантность сознательных изменений со стороны субъектов общества. Тип макроэволюции условно можно назвать **промышленно-реформаторским (или – как вариант – промышленно-революционным)**. Наконец, в начавшуюся эпоху научно-информационного принципа производства формируется иной тип эволюции – **общечеловеческий**. Как уже сказано выше, роль механизмов спонтанной эволюции несколько уменьшается и угасает на макроуровне (хотя и не полностью; при этом они продолжают играть исключительно важную роль на микроуровне), а роль целенаправленного влияния (социальной инженерии и др.) увеличивается.

рубка и выжигание лесов, распашка целины, внесение удобрений и т. п., не говоря уже о создании городов, дорог и иной инфраструктуры). Значительно расширяется и использование природных сил, включая силу животных, ветра и воды (ранее активно использовался лишь огонь). Природное сырье превращается в совершенно новые материалы и вещи (металлы, стекло, ткани, гончарные изделия).

Таким образом, в процессе социальной эволюции все более важную роль начинали играть собственно социальные факторы, которые в отличие от природных связаны с целеполаганием, то есть постановкой и исполнением определенных целей. Постепенно по мере хозяйственного прогресса, увеличения способности к накоплению излишков, роста общей культурной сложности социальных систем эволюция становится уже почти чисто социальной. В результате и вектор эволюционного отбора оказался направленным не столько на возможности обществ адаптироваться к природной среде, сколько на их возможности выжить и процветать в среде социальной, что подразумевает способность выдержать конкуренцию с соседями в военной, торговой, культурной или иных сферах. Среди важных изменений в «алгоритме» социальной эволюции следует отметить:

- **Включение механизма накопления**

За десятки тысяч лет присваивающей первобытности в материальной области практически не было долгосрочных накоплений. Накапливались (и то в ограниченном объеме) только знания, традиции и технологии, но и здесь не было какой-то непрерывной линии. Фактически накопление шло не столько в рамках каждого общества, сколько в целом за счет роста числа обществ и населения, за счет появления разнообразных вещей и орудий труда. Иными словами, используя экономические термины, ни о каком хозяйственном секторе накопления до аграрной революции говорить невозможно²⁰ (см., в частности: Artzrouni and Komlos 1985; Гринин 2007в; 2007г).

---

²⁰ За исключением, по всей видимости, некоторых высокоспециализированных обществ охотников (как правило, на крупных морских млекопитающих), собирателей и рыболовов, например, ряда сообществ, описанных этнографически на Северо-Западном побережье Американского континента (см., например: Аверкиева 1978; Шнирельман 1986).

Во многих случаях люди могли производить гораздо больше, чем делали на самом деле, и нередко возникали общества «изобилия» и даже относительной праздности подобно обществам собирателей дикого саго, которые трудились небольшую часть года, а остальное время отдыхали и занимались разными видами непродуодственной активности, в особенности военной и ритуальной (Шнирельман 1983; 1989). Невозможность и/или нежелание накапливать замедляли развитие, поэтому уже из-за этого медленный темп социальной эволюции был практически неизбежен (см. об этом противоречии: Гринин 2003а; 2007а, кн. 3). Появление в обществах примитивных земледельцев и скотоводов возможности, а затем и стремления накапливать материальные объекты привело к массе изменений в области распределения, социальной стратификации, обмена и торговли, в плане развития отношений собственности, подготовки обществ к государственности и ее аналогам.

- **Усиление способности обществ к изменениям**

Аграрные общества оказались в целом более способными к серьезным социальным трансформациям, чем общества охотников-собирателей. При этом сложные/суперсложные аграрные (государственные/квазигосударственные цивилизованные) общества оказались гораздо более способны к такой трансформации, чем простые земледельцы и скотоводы.

Увеличение способности обществ к изменениям очень ярко демонстрирует главное отличие социальной эволюции от биологической: как уже отмечалось нами ранее, социальные организмы – через действия их членов – могут трансформироваться сознательно и с определенной целью.

- **Выход контактов между обществами на ведущее место среди факторов эволюции**

Значение разнообразных контактов резко увеличилось, и это способствовало более активному приспособлению обществ к окружающей социальной среде. Возрастание роли контактов радикально увеличило значение внешних *социальных* движущих сил (см. также: Гринин 1997б: 23; 2007д: 177). А это имело огромное значение для развития Мир-Системы и человечества в целом. Во-

енные и иные взаимодействия заставляли думать об увеличении эффективности управления, обороны, культурных систем, техники и т. д. Все это в целом позволило включить в единый исторический процесс множество обществ и народов.

Стоит отметить, что начался процесс увеличения обществ в размерах не только за счет естественного роста населения, но и за счет их интеграции и объединения, то есть эти внешние контактные факторы оказались важнейшими в процессе эволюции.

(Окончание следует)

Литература

Аверкиева, Ю. П. 1978. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты). В: Аверкиева, Ю. П. (ред.), *Североамериканские индейцы* (с. 318–360). М.: Прогресс.

Аверьянов, А. Н. 1985. *Системное познание мира. Методологические проблемы*. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Алексеев, В. П.

1984. *Становление человечества*. М.: Политиздат.

1986. *Этногенез*. М.: Высшая школа.

Бессмертный, Ю. Л. 1972. Возникновение Франции. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*: в 3 т. Т. 1: 9–68. М.: Наука.

Блауберг, И. В. 1997. *Проблема целостности и системный подход*. М.: Эдиториал УРСС.

Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г.

1967. Системный подход в социальных исследованиях. *Вопросы философии* 9: 100–111.

1972. *Понятие целостности и его роль в научном познании*. М.: Знание.

Боринская, С. А. 2005. Роль генетических факторов в социальной эволюции. В: Малков, С. Ю., Коротаев, А. В., (ред.), *История и синергетика: Методология исследования* (с. 63–75). М.: КомКнига/УРСС.

Боринская, С. А., Коротаев, А. В. 2007. Гены, народы и социокультурная эволюция. В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов* (с. 232–242). М.: КомКнига/УРСС.

Бородкин, Л. И.

2002. Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина. *История и компьютер* 29: 143–157.

2007. Синергетика и история: моделирование исторических процессов. В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов* (с. 8–48). М.: КомКнига/УРСС.

Боулдинг, К. 1969. Общая теория систем – скелет науки. В: Садовский, Юдин 1969б: 106–124.

Бочаров, В. В. 1991. Политические системы Тропической Африки: от племени к государству. В: Ильин, Ю. М., Попов, В. А., Следзевский, И. В. (ред.), *Племя и государство в Африке* (Материалы выездной сессии Научного совета, состоявшейся в Ленинграде 5–6 мая 1991 г.) (с. 65–75). М.: Ин-т Африки РАН.

Бродель, Ф. 1995. *Что такое Франция?* Т. 2. Ч. 1 / пер. с фр. М.: изд-во им. Сабашниковых.

Гегель, Г. 1935. Философия истории. В: Гегель, Г. *Соч.* Т. 8. М. – Л.: Соцэкгиз.

Гефтер, М. Я. 1988. От ядерного мира – к миру миров. *Век XX и мир* 3: 34–40.

Грант, В. 1991. *Эволюционный процесс.* М.: Мир.

Гринин, Л. Е.

1997а. Формации и цивилизации. Глава 1. *Философия и общество* 1: 10–88.

1997б. Формации и цивилизации. Глава 2. *Философия и общество* 2: 5–87.

1997в. Формации и цивилизации. Глава 3. *Философия и общество* 3: 5–92.

2003а. *Производительные силы и исторический процесс.* Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории.* Изд. 3-е. Волгоград: Учитель.

2006а. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* (с. 53–79). М.: УРСС.

2006б. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

2006в. Производительные силы как социоестественная категория. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и природа: из прошлого в будущее* (с. 200–217). М.: Ин-т востоковедения РАН.

2006г. Методологические основания периодизации истории. *Философские науки* 8: 117–123; 9: 127–130.

2007а. *Государство и исторический процесс*: в 3 кн. М.: КомКнига/УРСС.

2007б. Производственные революции и периодизация истории. *Вестник Российской Академии наук* 77 (4): 309–315.

2007в. Производственные революции как важнейшие рубежи истории. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и природа: противостояние и гармония* (с. 191–221). М.: ИАЦ «Энергия».

2007г. Модель экономического и демографического развития мир-системы Арцруни-Комлоса и теория производственных революций. В: Турчин, П. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Коротаев А. В. (ред.), *История и Математика*. М.: КомКнига (в печати).

2007д. Проблемы анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. В: Семенов, Ю. И., Гобозов, И. А., Гринин, Л. Е., *Философия истории: проблемы и перспективы* (с. 148–247). М.: КомКнига.

Дарендорф, Р. 1994. Элементы теории социального конфликта. *Социологические исследования* 5: 142–147.

Дольник, В. Р. 2007. *Непослушное дитя биосферы*. М. – СПб.: Петроглиф, КДУ, Паритет.

Дюбюк, А. 1970. *История на перекрестке гуманитарных наук (XII Международный конгресс исторических наук)*. М.: АН СССР.

Зомбарт, В. (ред. и сост.) 1924. *Социология*. Л.: Мысль.

Иорданский, Н. Н. 2001. *Эволюция жизни*. М.: Академия.

Классен, Х. Й. М. 2006. Эволюционизм в развитии. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 37–52). Волгоград: Учитель.

Коротаев, А. В.

1997. *Факторы социальной эволюции*. М.: Ин-т востоковедения.

2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е. 2007. Компактная математическая модель влияния взаимодействия цивилизационного центра и варварской периферии на развитие Мир-Системы. В: Турчин, П. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика*. М.: КомКнига (в печати).

Коротаев, А. В., Клименко, В. В., Прусаков, Д. Б. 2007. *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.

Коротаев, А. В., Комарова, Н. Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/УРСС.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 24–83). М.: Логос.

Коротаев, А. В., Малков, А. С., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография. Экономика. Культура*. М.: КомКнига/УРСС.

Куббель, Л. Е. 1988. Возникновение частной собственности, классов и государства. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *История первобытного общества. Эпоха классовобразования* (с. 140–269). М.: Наука.

Леонова, Н. Б., Несмеянов, С. А. (ред.) 1993. *Проблемы палеоэкологии древних обществ: Сб. статей*. М.: Рос. Открытого ун-та.

Леру, Ф. 2000. *Друиды* / пер. с фр. СПб.: Евразия.

Манту, П. 1937. *Промышленная революция XVIII столетия в Англии*. М.: Соцэргиз.

Марков, А. В., Коротаев, А. В.

2007. Динамика разнообразия фанерозойских морских животных соответствует модели гиперболического роста. *Журнал общей биологии* 1: 1–12.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1955. *Соч.* Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Медников, Б. М. 1982. *Аксиомы биологии*. М.: Знание.

Миллс, Р. 1959. *Властвующая элита* / пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры.

Монгайт, А. Л. 1974. *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М.: Наука.

О'Брайен, П. 2002. Статус государства и будущее универсальной истории. В: Чубарьян, А. О. (ред.), *Цивилизации*. Вып. 5: 10–27. М.: Наука.

Плеханов, Г. В. 1956. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. *Избранные философские произведения*: в 5 т. Т. 1: 507–730. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Подлазов, А. В.

2000. *Теоретическая демография как основа математической истории*. М.: ИПМ РАН.

2001. *Основное уравнение теоретической демографии и модель глобального демографического перехода*. М.: ИПМ РАН.

2002. Теоретическая демография. Модели роста народонаселения и глобального демографического перехода. В: Малинецкий, Г. Г., Курдюмов, С. П. (ред.), *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* (с. 324–345). М.: Наука.

Рывкина, Р. 1970. Факторов теория. *Философская энциклопедия*. Т. 5: 300–301. М.: Советская энциклопедия.

Садовский, В. Н. 1974. *Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ*. М.: Наука.

Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. 1969а. Задачи, методы и приложения общей теории систем (вступительная статья). В: Садовский, Юдин 1969б: 3–22.

Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. (ред.) 1969б. *Исследования по общей теории систем*: Сб. переводов. М.: Прогресс.

Симпсон, Дж. Г. 1983. *Великолепная изоляция. История млекопитающих Южной Америки*. М.: Мир.

Смелзер, Н. 1994. *Социология*. М.: Феникс.

Сорокин, П.

1992. О так называемых факторах социальной эволюции. В: Сорокин, П. *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 521–531). М.: Изд-во полит. лит-ры.

1994. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М.: Наука.

Тевено, Э. 2002. *История галлов* / пер. с фр. М.: Весь мир.

Тойнби, А. 1991. *Постижение истории* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Толстой, Л. Н. 1987. *Война и мир*: в 4 т. Т 3. М.: Просвещение.

Филип, Я. 1961. *Кельтская цивилизация и ее наследие*. Прага: Изд-во Чехословацкой Академии наук.

Филиппов, И. С. 1990. Возникновение феодального строя в Западной Европе. В: Удальцова, З. В., Карпов, С. П. (ред.), *История средних веков*: в 2 т. Т. 1: 42–84. М.: Высшая школа.

Харан-Дава, Э. 1996. Чингис-Хан как полководец и его наследие. В: Муслимов, И. Б. (сост.), *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.)*. М.: ИНСАН.

Хоцей, А. С. 2000. *Теория общества*: в 3 т. Т. 2. *Становление бюрократии. Цивилизация*. Казань: Матбугат Йорты.

Четвериков, С. С. 1968. О некоторых моментах эволюционных процессов с точки зрения современной генетики. *Классики современной генетики* (с. 133–170). М. – Л.: Наука.

Шкунаев, С. В. 1989. *Община и общество западных кельтов*. М.: Наука.

Шнирельман, В. А.

1983. Собиратели саго. *Вопросы истории* 11: 182–187.

1986. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников-собираателей. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины* (с. 236–426). М.: Наука.

1989. *Возникновение производящего хозяйства*. М.: Наука.

Штаерман, Е. М. 1951. Древняя Галлия. Обзор послевоенной буржуазной историографии. *Вестник древней истории* 35: 209–215.

Штомпка, П. 1996. *Социология социальных изменений* / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс.

Штрайзанд, И. 1977. Развитие исторической мысли и историческая наука в Германии (с. 73–83). В: Галкин, И. С. (отв. ред.), *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки*. М.: МГУ.

Щедровицкий, Г. П. 1964. *Проблемы методологии системного исследования*. М.: Знание.

Эшби, У. Р. 1969. Общая теория систем как новая научная дисциплина. В: Садовский, Юдин 1969б: 125–142.

Яблоков, А. В., Юсуфов, А. Г. 2004. *Эволюционное учение*. М.: Высшая школа.

Ясперс, К. 1994. *Смысл и назначение истории* / пер. с нем. М.: Республика.

Adams, R. N. 1988. *The Eighth Day: Social Evolution as the Self-Organization of Energy*. Austin: University of Texas Press.

Amin, S., Arrighi, G., Frank, A. G., and Wallerstein, I. 2006. *Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System*. Delhi: Aakar.

Arrighi, G., and Silver, B. J. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Artzrouni, M., Komlos, J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41 (3–4): 21–39.

Barfield, Th. 1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. In Seaman, G., and Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (pp. 21–62). Los Angeles: Ethnographics Press.

Bentley, J. H. 1996. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History. *American Historical Review* (June): 749–770.

Bertalanffy, L. von

1951. General Systems theory: a New Approach to Unity of Science. *Human biology* 23 (4): 302–361.

1962. General System Theory – A Critical Review. *General Systems* 7: 1–20.

1968. *General Systems theory. Foundations, Development, Applications*. N. Y., NY: George Braziller.

Blair, P. H. 1966. *Roman Britain and Early England 55 B.C. – A.D. 871*. N. Y. – London: W. W. Norton and Company.

Blute, M. 1987. Biologists on Sociocultural Evolution: a Critical Analysis. *Sociological Theory* 5: 185–193.

Borsch, S. J.

2004. Environment and Population: The Collapse of Large Irrigation Systems Reconsidered. *Comparative Studies of Society and History* 46 (3): 451–468.

2005. *The Black Death in Egypt and England*. Cairo: The American University of Cairo Press.

Boulding, K. 1978. *Ecodynamics: a New Theory of Societal Evolution*. Beverly Hills: Sage Publications.

Boyd, R., Richerson, P. 1985. *Culture and Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press.

Brown, R. 1984. *The Nature of Social Laws: Machiavelli to Mill*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.

Burrow, J. 1966. *Evolution and Society: a Study in Victorian Social Theory*. London: Cambridge U. P.

Butovskaya, M., Korotayev, A., Kazankov, A. 2000. Variabilité des relations sociales chez les primates humains et non humains: à la recherche d'un paradigme general. *Primatologie*: 319–363.

Campbell, D. 1965. Variation and Selective Retention in Socio-Cultural Evolution. In Barringer, H., Blanksten, G., and Mack, R. (eds.), *Social change in developing areas: a reinterpretation of evolutionary theory* (pp. 19–49). Cambridge, MA: Schenkman.

Carneiro, R. L.

1973. The four faces of evolution. In Honigman, J. J. (ed.), *Handbook of Social and Cultural Anthropology* (pp. 89–110). Chicago: Rand McNally.

2000. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers.

2003. *Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History*. Boulder, CO: Westview.

Cavalli-Sforza, L. L., and Feldman, M. W. 1981. *Cultural Trasmission and Evolution: A Quantitative Aproach*. Princeton: Princeton U. P.

Chadwick, N. 1987. *The Celts*. London: Penguin books.

Chase-Dunn, C., and Hall, T. D.

1994. The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.

1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview.

Claessen, H. J. M.

1989. Evolutionism in development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.

2000. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin, N. N., Korotaev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 1–11). Vladivostok: FEB RAS.

2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1 (1): 101–117.

Clark, G., and Piggott, S. 1970. *Prehistoric Societies*. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd.

Denemark, R. A. 1999. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations. *International Studies Review* 1 (2): 43–75.

Diamond, J. 1999. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. N. Y., NY: Norton.

Dols, M. W. 1977. *The Black Death in the Middle East*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Durham, W. 1991. *Coevolution: genes, culture, and human diversity*. Stanford, CA: Stanford U. P.

Earley, J. 1997. *Transforming Human Culture: Social Evolution and Planetary Crisis*. Albany: State University of New York Press.

Eisenstadt, S. N. 1998. World Histories and Construction of Collective Identities. In Pomper, Elphick and Vann 1998: 105–125.

Frank, A. G.

1990. A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review* 13 (2): 155–248.

1993. The Bronze Age World System and its Cycles. *Current Anthropology* 34: 383–413.

Frank, A. G., and Gills, B. K. (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.

Geyer, M., and Bright, Ch. 1995. World History in Global Age. *The American Historical Review* 100 (4): 1034–1060.

Ghosh, O. K. 1964. Some Theories of Universal History. *Comparative Studies in Society and History* 7 (1): 1–20.

Giddens, A.

1981. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Berkeley: University of California Press.

1984. *The Constitution of Society*. Berkeley: University of California Press.

Gouldner, A. 1971. *The Coming Crisis of Western Sociology*. London: Heinemann.

Graham, G. 1997. *The Shape of the Past. A Philosophical Approach to History*. Oxford; N. Y.: Oxford University Press.

Green, W. A.

1992. Periodization in European and World History. *Journal of World History* 3 (1): 13–53.

1995. Periodizing World History. *History and Theory* 34: 99–111.

Grinin, L. E.

2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1 (1): 131–176.

2004. The Early State and its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *The Early State, its Alternatives and Analogues* (pp. 88–136). Volgograd: Uchitel.

2006. Periodization of History: A theoretic-mathematical analysis. *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development* (pp. 10–38). Moscow: KomKniga.

Habermas, J. 1979. *Communication and the Evolution of Society*. Boston, MA: Beacon.

Hallpike, C. R. 1986. *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon.

Harris, M.

1968. *The Rise of Anthropological Theory*. N. Y.: Crowell.

1979. *Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture*. N. Y.: Random House.

Herlihy, D. 1997. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, MA: Harvard UP.

Hirst, P. 1976. *Social Evolution and Sociological Categories*. N. Y.: Holmes & Meier Publishers.

Ingold, T. 1986. *Evolution and Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jones, R. D. S. (ed.) 1969. *Unity and Diversity in Systems*. N. Y.: Gordon and Breach.

Johnson, A. W., and Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from foraging group to agrarian state*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Koht, H., 1964. *The Driving Forces in History*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Kremer, M. 1993. Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.

Langton, J. 1979. Darwinism and the Behavioral Theory of Sociocultural Evolution: an Analysis. *American Journal of Sociology* 85: 288–309.

Lenski, G.

1966. *Power and Privilege*. N. Y.: McGraw-Hill Book company.

1970. *Human Societies: A Macrolevel Introduction to Sociology*. N. Y.: McGraw-Hill.

Lloyd, C. 1993. *The Structures of History*. Oxford, Cambridge, MA: Blackwell.

Lumsden, C., and Wilson, E. 1981. *Genes, Mind, and Culture: the Co-evolutionary Process*. Cambridge, MA : Harvard University Press.

Mandelbaum, M. 1971. *History, Man, and Reason: A Study in Nineteenth-Century Thought*. Baltimor: Johns Hopkins U. P.

Manning, P. 1996. The Problem of Interaction of World History. *The American Historical Review* 101 (3): 771–782.

Marx, L., and Mazlish, B. (eds.) 1999. *Progress: fact or illusion?* Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Mayr, E.

1976. *Evolution and the Diversity of Life: selected essays*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University press.

2001. *What Evolution is*. N. Y.: Basic Books.

Mayr, E., Provine W. (eds.) 1998. *The Evolutionary Synthesi: Perspectives on the Unification of Biology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mazlish, B., and Marx, L. 1999. Introduction. In Marx, L., and Mazlish, B. (eds.) 1999: 1–7.

McNeill, J. R., McNeill, W. H. 2003. *The Human Web: A Bird's-Eye View of World History*. N. Y.: Norton.

McNeill, W. H. 1998. *Plagues and Peoples*. N. Y., NY: Anchor.

Mesarović, M. D. (ed.) 1964. *Views of general Systems Theory*. N. Y.: John Wiley.

Mills, C. W. 1956. *The Power Elite*. N. Y.: Oxford University Press.

Nisbet, R. 1969. *Social Change and History. Aspect of the Western Theory of Development*. N. Y.: Oxford University Press.

Parsons, T. 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Polgar, S. (ed.) 1975. *Population, Ecology, and Social Evolution*. The Hague: Mouton.

Pomper, Ph.

1995. World History and its Critics. *History and Theory* 34 (2): 1–7.

1998. Introduction: The Theory and Practice of World History. In Pomper, Elphick and Vann 1998: 1–17.

Pomper, Ph., Elphick R., and Vann, R. 1998. *World History: Ideologies, Structures, and Identities*. Oxford: Blackwell.

Pomper, P., and Shaw, D. C. (eds.), 2002. *The Return of Science. Evolution, History, and Theory* (pp. 123–144). Lanham: Rowman & Littlefield.

Ranke, L. von. 1867–1890. *Samtliche Werke*. Bd. 1–54. Leipzig: Insel.

Sahlins, M. D.

1960. Evolution: Specific and General. In Sahlins and Service 1960: 12–44.

1972. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine de Gruyter.

Sahlins, M. D., and Service, E. R. (eds.) 1960. *Evolution and culture*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Sanderson, S. K.

1990. *Social Evolutionism. A Critical History*. Cambridge, MA – Oxford, UK: Blackwell.

1999. *Social Transformations. A General Theory of Historical Development*. Lanham etc.: Rowman & Littlefield Publishers.

2007. *Evolutionism and its Critics: Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society*. Boulder, CO: Paradigm.

Service, E. R.

1962. *Primitive social organization*. 1st ed. N. Y.: Random House.

1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y., NY: Norton.

Snooks, G.

1996. *The Dynamic Society. Exploring the sources of Global Change*. London; N. Y.: Routledge.

1998. *The Laws of History*. London; N. Y.: Routledge.

Stearns, P. N. 1987. Periodization in World History Teaching: Identifying the Big Changes. *The History Teacher* 20 (4): 561–580.

Steward, J. H.

1949. Cultural Causality and Law. A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations. *American Anthropologist* 51: 1–25.

1972 [1955]. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana: University of Illinois Press.

Stuart-Fox, M. 2002. Evolutionary Theory of History. In Pomper, P., and Shaw, D. C. (eds.), *The Return of Science. Evolution, History, and Theory* (pp. 123–144). Lanham, Boulder, N. Y., Oxford: Rowman & Littlefield publishers, Inc.

Thomas, D. H. 1989. *Archaeology*. 2nd ed. Fort Worth, Texas: Holt, Rinehart and Winston.

Toffler, A. 1980. *The Third Wave*. N. Y.: Morrow.

Tsirel, S. V. 2004. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics* (pp. 367–369) / ed. by M. G. Dmitriev and A. P. Petrov. Moscow: Russian State Social University.

Van Parijs, P. 1981. *Evolutionary Explanation in the Social Sciences: an Emerging Paradigm*. Totowa, NY: Rowman and Littlefield.

Wallerstein, I. 1987. World-Systems Analysis. *Social Theory Today*. Stanford, CA: Stanford University Press.

White, L. A. 1949. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. N. Y.: Farrar, Straus and Company.